

Аполлон Коринфский

НАРОДНАЯ УСЬ

БЕЛЫЙ ГОРОД

УДК 39(47)
ББК 63.5(2)
К66

Народная Русь

сказания, поверия, обычаи и пословицы русского народа

*Текст печатается по изданию «Народная Русь» (М., 1901)
в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка*

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Дизайн макета и верстка: А. Григорьева
Корректоры: Г. Алексеева, О. Толмачева

Издательство благодарит за помощь в создании книги
Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества; И.С. Глазунова,
С. Астахова, А. Герасимова, С. Ефюшкина, И. Каверзнева, С. Кириллова,
Н. Кургузову-Мирошник, К. Мирошника, Б. Ольшанского, О. Путнина,
Ю. Сергеева, Н. Соломина, В. Шевченко

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 916-5595, 780-3911, 780-3912, 688-7536, (812) 265-4139
Факс: (495) 916-5595, (812) 567-5415
Сайт издательства: www.belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912

111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 916-5595
E-mail: belygorod@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46
Гарнитура ElizabethC
Тираж 10 000. Зак. № 1516.

Народная Русь. — М.: Белый город, 2008. — 592 с.: ил.

ISBN 978-5-7793-1450-3

Предлагаемая читателю книга написана замечательным русским поэтом, переводчиком и публицистом Аполлоном Коринфским. Всю свою жизнь он собирал уникальный этнографический материал о жизни русского народа: пословицы, песни, поговорки, сказки, легенды и предания. Итог его многолетних изысканий представлен в этой книге.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
1. Мать Сыра Земля.....	7
2. Хлеб насущный.....	21
3. Небесный мир.....	33
4. Огонь и вода.....	48
5. Сине море.....	62
6. Лес и степь.....	74
7. Царь-государь.....	88
8. Январь-месяц.....	94
9. Крещенские сказания.....	104
10. Февраль-бокогрей.....	110
11. Сретенье.....	122
12. Власьев день.....	126
13. Честная госпожа Масленица.....	132
14. Март-позимье.....	142
15. Алексей — человек Божий.....	148
16. Сказ о Благовещении.....	158
17. Апрель — пролетный месяц.....	164
18. Страстная неделя.....	174
19. Светло Христово воскресение.....	184
20. Радоница — Красная горка.....	200
21. Егорий вешний.....	206
22. Май-месяц.....	216
23. Вознесеньев день.....	223
24. Троица — зеленые Святки.....	229
25. Духов день.....	236
26. Июнь-розанцвет.....	241
27. Ярило.....	246
28. Иван Купала.....	255
29. О Петрове дне.....	262

30. Июль — макушка лета.....	268
31. Илья Пророк.....	276
32. Август-собериха.....	281
33. Первый Спас.....	290
34. Спас-Преображение.....	297
35. Спожинки.....	302
36. Иван постный.....	308
37. Сентябрь-листопад.....	314
38. Новолетие.....	323
39. Воздвижение.....	328
40. Пчела — Божья работница.....	333
41. Октябрь-назимник.....	340
42. Покров-зазимье.....	348
43. Свадьба — судьба.....	354
44. Последние назимние праздники.....	364
45. Ноябрь-месяц.....	374
46. Михайлов день.....	384
47. Мать-пустыня.....	389
48. Введенье.....	400
49. Юрий холодный.....	404
50. Декабрь-месяц.....	410
51. Зимний Никола.....	426
52. Спиридон-солнорот.....	432
53. Рождество Христово.....	436
54. Звери и птицы.....	447
55. Конь-пахарь.....	463
56. Царство рыб.....	477
57. Змей Горыныч.....	490
58. Злые и добрые травы.....	502
59. Богатство и бедность.....	515
60. Порок и добродетель.....	529
61. Детские годы.....	542
62. Молодость и старость.....	555
63. Загробная жизнь.....	567

К. Маковский. Жница

1. Мать Сыра Земля

Ничего нет для человека в жизни святее материнского чувства. Сын родной земли — живущий-кормящийся ее щедротами русский народ-пахарь, дышащий одним дыханием с природою, исполнен к Матери Сырой Земле истинно сыновней любви и почтительности. Как пережившие не один, не два века сказания, так и чуть не вчера молвившиеся-сказавшиеся красные слова, облетающие из конца в конец неоглядный простор народной Руси, в один голос подтверждают это, ни на пядь не расходясь с бытом-укладом поздних потомков могучего богатыря земли Русской Микулы свет Селяниновича, крестьянствовавшего на Святой Руси в старь стародавнюю.

Ветхозаветное слово, повествующее о создании человека «от персти земныя», не могло не прийти к мысли, не могло не прирасти к суверенному сердцу славянина-язычника, крестившегося в волнах Днепра-Словутича при Владимире Красном Солнышке, князе стольнокиевском. В стихийной народной душе еще и до

наших дней не умирает живучее сознание вековой связи с обожествлявшейся супругою прабога Сварога, праматерью человечества, за которую слыла обнимаемая небом земля, сливающаяся с ним в едином плодотворящем таинстве.

«От земли взят, землею кормлюсь, в землю пойду!» — говорит хлебороб деревень русских, применяя запавшие в сердце слова Священного Писания к своему житейскому обиходу. «Кормилицей» зовет он землю, сторицей возвращающую ему засеянное в добрый час зерно, «матушкой родимою» величает. А это — слово великое в неумытных-прямодушных устах его. «Добра мать до своих детей, а земля — до всех людей!», «Мать Сыра Земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает!», «Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!», «Как не добёр кто, а все не добрей нашей Матери Сырой Земли: всяк приючает земью до гробовой доски, а земля приютит и мертвого!» — приговаривает народная молвь, подслушанная свои-

ми пытливыми калитами-собираателями. «Всякому человеку — и доброму, и худому — земля даст приют!», «Умру — похоронят, поверх земли не положат!», «Век живешь — маешься, бездомником скитаешься; умрешь — свой дом в сырой земле найдешь!» — добавляет к этой молви свои, подсказанные горемычной жизнью поговорки беднота-голь, живущая (по ее смешливому прибаутку) «против неба, на земле, в непокрытой улице». Недаром выплывают из глубины моря народного и такие слова, как: «Нужна рыбе вода, птице вольная ширь поднебесная, а человеку нет ничего нужнее, как Мать Сыра Земля — умрет, и то в нее уйдет!», «Кому земля — мать родная, кому — родимая матушка, а кому и мачеха; да все, как время придет, и пасынка к сырой груди прижмет, не оттолкнет, не погубит — к себе возьмет, на вечные веки приголубит!», «Корми — как земля кормит; учи — как земля учит; люби — как земля любит!».

Немало ходит по людям в деревенской-посельской Руси всяких

М. Клодт. На пашне

Ю. Арсенюк. Богатырская застава

пословиц, поговорок, присловий и прибауток о том, как и чем питает своего пахаря земля-кормилица. Все это красное богатство слова сводится к действенной вере сердца народного, в которой отразилась простодушная мудрость многовекового опыта трудовой жизни под властью земли.

Великую честь воздает своей вековой работнице, своей доброй кормилице посельщина-деревенщина, вот уже не одно тысячелетие припадающая к ее могучей груди. «Свят Дух живет на земле! — говорит она, именую святою и свою родную землю, именуючи, приговаривает: — На родной земле хоть умри, а с нее не сходи!», «На какой земле родился, там и Богу молись!». С благоговением смотрит русский пахарь на землю, молвит о ней только одну правду-истину, да и никому не советует обмольваться перед ней облыжным словом. «Не могли солгать — земля слышит!», «На земле правдой живи, тогда земля будет и твоим детям кормилицей!», «В земле деда-прадеды лежат, из земли всякое слово слышат!» — говорится еще и теперь во многих уголках светлорусского простора.

Терпелива Мать Сыра Земля: ко-го-чего она, могучая, на своей груди не держит! Но есть на белом Божьем свете и такие грехи тяжкие, которых, по народному слову, и она, терпеливая, не снесет: «Грех — греху рознь, с другим и сквозь землю провалишься!» Всем открывает любвеобильная кормилица хлебороба-пахаря свои материнские объятия, когда пробьет час смерти человеческой. Но темная сила, бродящая по свету на пагубу роду людскому, соблазняет иных людей и на такие черные дела, что умрет человек — его даже и земля не примет

после смерти. К ним причисляет народное суеверие тех, кто, по его словам, спознается с нечистой силой, продавая ей душу христианскую на всякое лихо другим людям. Твердо верит в это держащийся за землю православный люд.

Охватит, обступит иного человека горе, не дает ему, горемыке, ни сна, ни отдыха, ни пути, ни прохода; сме-

А. Каморин. Святогор

ется-потешается злосчастье над его убожеством, заслоняет от истомленных, заплаканных глаз бедняка свет солнечный... Некуда деться пасынку жизни от своего горя горького! И вот, потеряв всякую надежду на счастливый исход жизни-борьбы, обращается он к последнему своему прибежищу. «Расступись ты, Мать Сыра Земля, — вырывается у него из глубины души тяжкий стон. — Расступись, родимая, открой мне двери царские во твои ли палаты вековечные!». Об этих «палатах» ходит на Святой Руси такой красный сказ, что и просторны-то они (всех людей приютят), и богаты-де (весь белый свет укупят), и все-то

в них — и богатые, и бедные — за одними столами сидят: пьют, едят, прохлаждаются, хлебосольными хозяевами не нахватаются...

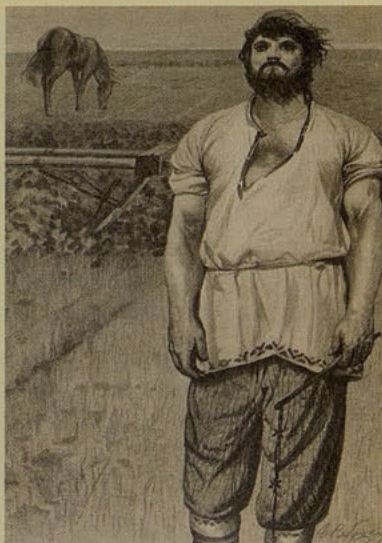
Добрый частокол можно было бы нагородить вокруг да около житья-бытья крестьянского из одних таких присловий о земле, как то и дело повторяющиеся в деревенском обиходе: «Не роди Мать Сыра Земля!» (вместо — «Не дай бог!»), «Сквозь землю бы провалился (от стыда)», «Земли под собой не видел (от радости, а также от страха)», «Как это его еще земля носит?» — говорится о явно недобросовестном человеке, «Как под землю провалился!» — о пропавшем бесследно, «Хоть изпод сырой земли достань, а вынь да положи!»), «От меня и сквозь землю не уйдешь!», «Легче в землю лечь (чем это видеть!)» и тому подобное. «Не тужи по земле, — утешают бо-быля смешливые краснословы, за крылатым словом не лазящие в карман, походя его на лету подхватывающие: — Сажёнку вдоль, полсажёнки поперек, и будет с нас!» (о могиле). Записаны кладоискателями живого великорусского языка и такие слова, связанные с землею, как: «Выросло дерево от земли до неба. На том дереве двенадцать сучков; на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое — красное!». Заганёт мужик такую загадку, да сам, простота, тут же и разгадывает: «Дерево — год, сучки — месяцы, кошели — недели, семь яиц — семь дней, седьмой день — красен праздничек, воскресеньце!». Повторяет народная Русь и такие загадки о земле, как: «Меня бьют, колотят, ворочают и режут; я все терплю и всем добром плачу!» (в Псковской губернии), «Что на свете сытней все-

го?» (в Самарской губернии), «Аще, аще, что ни есть в свете слаще?» (там же).

Земля — общая родина счастливых и несчастных, богатых и бедных. «Не по́ небу и богач ступает, не под землей живет и нищий-убогий!» — гласит убеленное сединами пережитых веков простонародное слово. «Сверху — небо, снизу — земля, а с боков ничего нет. Хорош белый свет: хоть жарко, да ветерком обдувает! — приговаривает, прибаутки ладит словоохотливая деревня. — Небо в тумане — и земля в обмане, и пусто в кармане!», «Солнышко-ведрышко красной птицей по синю небу ходит, а все на землю глаз наводит», «На что далеко от земли до неба, а как стукнет в небе гром — и у нас слышно».

В могучей семье древнерусских былинных богатырей есть двое, все подвиги которых непосредственно связаны с землею, вековечной кормилицей народа-пахаря. Это Святогор, старейший изо всей дружины богатырской, да Микула Селянинович, богатырь-оратай.

О первом из них дошло до нас несколько былин, каждая из которых выставляет его представителем чудовищно могучей стихийной силы, не имеющей прямого применения, ищущей и не находящей его во всем окру-

А. Рябушкин. Микула Селянинович

жающем — ни среди природы, ни среди населяющих последнюю существ. Это — мученик своей собственной силы. Грузно богатырю от нее, что от тяжелого бремени. Бродит у могучего силушка по жилочкам, жжет огнем, горячит жарким полымем бурливую кровь, просится на волю вольную; и нету ей, неумной, пути-выхода из тела богатырского. Заключена она в нем, что в душевной темнице, за семью дверями дубовыми, за семью железными засовами... И хотел бы Святогор-богатырь свою полонянку на волюшку выпустить, да не может; и охота ему поработать ей дать, да не над чем: не с кем старшому из богаты-

рей русских померяться-побрататься силой-моченькой. Все богатыри — побратимы, все несут верой-правдою службу родине; одному ему нечем порадеть земле Русской! Тяжко могучему, обида горькая берет его за сердце. А силы — все прибывает день ото дня, все могутнее она — что ни час прошел на белом свете... Да и не одному Святогору неумогу тяжело от своей силы становится — грузно от Святогоровой и самой Матери Сырой Земле. «По моей ли да по силе богатырской кабы державу мне найти, всю землю поднял бы!» — молвил богатырь, похваляючись. Облетела похвальба словом крылатым всю Святую Русь — от моря до моря... Поехал на матером коне Святогор, едет не на прогулку-поездочку богатырскую, не с лихим ворогом на ратный бой снаряжился: выехал-едет тягу-державу земную искать. «...Едет шагом Святогор-богатырь, ростом выше дерева стоячего, головою в небо упирается, едет — сам подремывает, сидючи...» Мать Сыра Земля под копытами богатырского матерого коня дрожмя дрожит; держит путь он к горам высоким каменным, к ущельям да расселинам — дорога там верней-надежнее!.. И все грузней ему от силушки: храпит под богатырем добрый конь, того и смотри — наземь замертво грянется... Долго ли, коротко ли ехал Свято-

Н. Рерих. Микула Селянинович

гор, доехал богатырь до горы невиданной: крутая гора — что стена, кругом — падь бездонная... Огляделся старшой над богатырями русскими, видит: перед ним брошена на горе переметная сумка малая. «А не в ней ли тяга-державя земная лежит?» — смеется сердце богатырское. Ухмыльнулся Святогор в густую, что дремучий лес, бороду — слез с коня, спешился, бьет поклон Матери Сырой Земле, хочет сумку поднять. Диво дивное, чудо чудное: не поднять богатырю малой сумки переметной. Как ни бился, так и не мог он оторвать сумку малую, — а и грузно же было богатырю от своей сидушки!.. Да еще тяжелее было от нее самой земле: где стоял, там вместе с сумкой Святогор и в землю «угрыз». Насмеялась судьба над его похвальбой смелою... И разошлась Святогорова мочь-сидушка от той ли каменной горы по всей земле православной; и бродит она под каждой пядью земной вплоть до наших дней, появляючися на белый Божий свет ненадолго — в стихийной силе народной, порождающей людей богатырски мощного духа.

Другая былина отправляет Святогора искать той же тяги земной в поле чистое, в степь широкую... И видит богатырь впереди себя прохожего с малою сумочкой переметною... «Едет рысью — все прохожий идет передом; во всю прыть не может он догнать прохожего». Окликает его Святогор богатырским зычным голосом... Остановился прохожий — «с плеч на землю бросал сумочку...». Едет к нему могучий, «наезжает на эту сумочку, своей плеточкой сумочку пощупывает — как урослая, та сумочка не тронется... Перстом с коня потрогивал, с коня рукой потягивал — не сворохнется та сумка, не ше-

И. Билибин. Святогор и переметная сумка

вельнется...» Слез богатырь с коня, обеими руками за сумку взялся, во всю силу богатырскую натужился — с натуги кровь из глаз пошла. «А поднял сумку он всего на волос, по колена сам во сыру землю угрыз!» Прохожий-то был не простой подорожный человек, а богатырь-оратай Микула Селянинович; а в сумке-то и нес пахарь-оратаюшко тягу земную... Оседая сила богатыря-земледедца оказалась куда могучнее кочевой — Святогоровой, хоть и не было от нее грузно ни само-

му Микуле, ни Матери его Сырой Земле...

Недаром русский народ истари веков слыл народом-пахарем — самым могущественным из созданных его вековыми сказаниями богатырей и является оратай Микула Селянинович: волей-неволею уступает ему по силе даже сам Святогор. Представитель верной народу земли-кормилицы, может быть, и не знал пословицы «Держись за землю, трава — обманет!», но оправдывает ее всеми

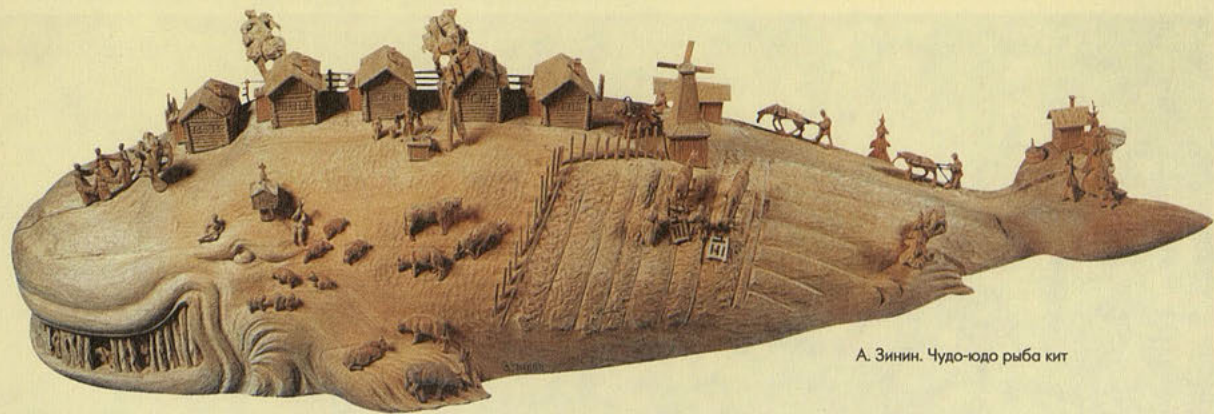
своими мужицкими подвигами. Подвизается Микула во чистом поле, свою соловенькую лошадку знай понукивает, с края в край бороздочку отваливает, корни сохой выворачивает — крестьянствует, приготавливает — крестьянствует, приготавливает, с Божьей помощью, распаханную-засеянную ниву-новь новым поколением народа-землепашца, все свои надежды-чаяния возлагающего на поливаемую трудовым потом землю. В могучем своей простотою богатыре-оратае народная Русь воплотила саму себя. Поэзия крестьянского труда, с незапамятных пор питающего население необъятной страны, — вся налицо в былинах о Микуле Селяниновиче. С непокрытой головою, с расстегнутым воротом, с ду-

шой нараспашку, в самодельных лаптях виден этот могучий сын могучего народа посреди безграничного простора полей, убегающих в неоглядную даль, увлекающих за собою взоры... Ветер, свободно гуляя по широкому полю, налетает на него, треплет густые пряди русых кудрей добра молодца, обвеивает холодком открытую, пышащую зноем, могучую грудь. Налетай сама буря грозная — не только не свалить с крепких ног, а даже и не покачнуть ей богатыря Микулу. Вера в свое вечное, в свое святое призвание — в сердце его; сила, несокрушимая сила — в мускулистых железных руках пахаря. Нет у Микулы ни меча булатного, нет ни лука скорострельного у Селянинови-

ча, ни острого копья мурзамецкого: силен он сам собой да своею сохой крестьянскою. «А у пахаря сошка кленовенька, сошники во той сошке булатные, захлестнуты гужочки шелковеньки, а кобылка во сошке соловенька...» Такими словами любовно говорит былина о нем, повествуя о встрече его с мудрейшим из богатырей — Вольгою свет Святославичем, поехавшим с хороброй дружиною по «селам-городам за полчюкою, с мужиков выбирать дани-выходы...». Зовет Вольга Микулу ехать с собой во товарищах. Поехал Селянинович. Много ли, мало ли отъехали, вспомнил он, что «неладно в бороздочке свою сошку оставил, неубранну...». Посылает Вольга по Микулиной просьбе десять молодцев — «сошку с земельки повыдернуть, с сошничков землю повытряхнуть, бросить сошку за ракивов куст». Не только эти, а и другие десять, а и вся дружинишка Вольги не могли сделать этого — словно вросла соха в землю, точно не земля, а железо на ниве у Микулы: «только сошку за обжи вокруг вертят, а не могут с земли сошку выдернуть...» Пришлось самому богатырю-оратаюшке вернуться на полосу недопаханную: «одной ручкой бросил он сошку за ракивов куст...». Держит к нему слово, спрашивает пахаря вздвигавшийся Вольга: «А и как ты, мужик, звать по имени, величать тебя как по изотчеству?» Богатырь отвечает Святославичу со всей свойственною народной речи картинностью: «А я ржи напашу, во скирды сложу, домой выволоку, дома вымолочу да и пива сварю, мужиков зову, и начнут мужики тут покликивать: — Гой, Микула-свет, ты Микулушка, свет Микулушка да Селянинович!». По той былинах, где крестьянствующий богатырь встречается со Святогором, он на такой же вопрос со стороны последнего отвечает более коротко: «Я — Микула, мужик я Селянинович! Я — Микула, меня

И. Билибин. Дружина князя Вольги в походе

А. Зинин. Чудо-юдо рыба кит

любит Мать Сыра Земля!» В этих словах еще ярче встает из-за темной дали веков светлый образ могучего орастая земли Русской.

В известном народном стихе о «Годубиной книге», еще и теперь распеваемом убогими певцами каликами переходжими, собраны, по мнению Бессонова¹, «правила и решения на все важнейшие стороны древних воззрений». В этом стихе, отразившем в своем словесном зеркале заветные взгляды родной старины чуть ли не на все существующее в мире, задается, между прочим, вопрос: «Которая земля всем землям мати?» — «Свято-Русь-земля всем землям мати!» — следует ответ. «Почему же Свято-Русь-земля всем землям мати?» — не удовлетворяется полученным ответом пылливый дух спрашивающего. «А в ней много людю христианского, они веруют веру креще-

ную, крещеную-богомольную, самому Христу, Царю Небесному, его Матери Владычице, Владычице Богородице; на ней строят церкви апостольские, богомольные, преосвященные, они молятся Богу распятому...» — следует пояснение. От речи о том, какая земля «всем землям мати», вопрошающий переходит (за доброй дюжиною попутных вопросов) к такому: «На чем же у нас основалася Мати Сыра Земля?» — «Основалася на трех на рыбах», — не скупится на слова простодушная народная мудрость.

На трех рыбах на китынышах,
На китах-рыбах вся сыра земля стоит,
Основана и утверждена,
И содержитца вся подселенная...

Ответ доходит до самой, что называется, подноготной мироздания:

«Стоит Кит-рыба, не сворохнетца — когда ж Кит-рыба потронетца, потронетца-восколыхнетца, тогда белый свет наш покончитца: ах, Кит-рыбина разыграйтца, все сине море восколыхнитца, сыра-мать-земля вся вздрогонитца, увесь мир-народ приужаснитца: тады буде время опоследняя...»

Наиболее верное объяснение этому ответу дает А.Н. Афанасьев². «Земля покоится на воде, якоже на блюде, простерта силою всеблагого Бога», — приводит он слова одного из забытых памятников народной старины. Эта «вода» — небесный воздушный океан, в котором тучиво-водохранительницы представляются какими-то громаднейшими рыбами. «Кит-рыба — всем рыбам мати!» — гласит «Годубиная книга». А потому-то тучи-рыбы переименовались в китов, принявших — по воле вооб-

¹ Петр Алексеевич Бессонов — известный исследователь русского народного творчества, происходил из духовного звания, родился в 1828 году. Образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета (окончил курс в 1851 году), выпустившем из своих стен замечательных русских народоведов. Сначала он служил в комиссии печатания грамот и договоров, затем заведовал вилениским музеем и публичной библиотекой и был директором вилениской классической гимназии, с 1867 по 1879 год состоял библиотекарем Московского университета, с 1879-го по день смерти (22 февраля 1898 года) занимал кафедру славянской филологии в Харьковском университете. Он обогатил русскую науку трудами своими: «Болгарские песни», «Калеки переходжие», «Сборник детских народных песен» и «Белорусские песни». Кроме того, изданы под его редакцией песенные собрания П.В. Киреевского и И.Н. Рыбникова.

² Александр Николаевич Афанасьев — известный исследователь памятников русского простонародного творчества, родился 11 июля 1826 года в городе Богучаре Воронежской губернии, по образованию — питомец Московского университета (выпуска 1848 года). Еще будучи студентом, он начал помещать в различных изданиях статьи по народоведению (в «Современнике», «Отечественных записках», «Архиве историко-юридических сведений о России», «Временнике общества истории и древностей российской», «Известиях Академии наук по отделению русского языка и словесности» и других). С 1849 по 1862 год он служил в московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Три тома «Поэтических воззрений славян на природу», изданные в 1866—1869 годах, являются наиболее крупным вкладом, сделанным А.Н. Афанасьевым в сокровищницу русской науки. Кроме этого замечательного труда им изданы «Русские народные легенды» (М., 1860), «Народные русские сказки» (1-е изд. вышло в 1864; 2-е изд. — 4 т. — М., 1873; 3-е изд. — 2 т. — М., 1897). Скончался он в Москве 23 сентября 1871 года.

В. Васнецов. Спящая царевна

ражения не выдвигавшего этих «рыб» пахаря — на свои спины «всю подселенную, всю подсолнечну». Иные утверждают, говорит пытливый исследователь поэтических воззрений славян на природу, что истари подпорою земли служили четыре кита, но один из них умер. Когда же перемрут и остальные три, в то время наступит кончина мира. Землетрясение — в глазах пахаря, задумывающегося над основами мироздания, — не что иное, как отголосок шума, производимого китами, поворачивающимися с бока на бок. По уверению памятливых, особенно ревниво оберегающих дедовские предания сказателей, в старину было

даже не три-четыре, а семь китов, подставлявших свои спины для земли. Когда отяжелела она от незамолимых грехов человеческих, ушли четыре кита в «пучину эфиопскую». Во дни Ноя все киты покинули свое место, отчего, говорят дошедшие до высот простонародного умозрения сведущие люди, и произошел всемирный потоп.

По другим, родственным с индийскими сказаниями, земля стоит не на китах, а на слонах. Их тоже было в древние времена больше, а не три, как теперь, да состарились они — повымерли. «До сих пор Мать Сыра Земля изрыгает их кости!» — говорят в народе по тем местам, где на-

ходят кости допотопного мамонта. Есть и такое представление об устоях земли, что держится-де она не на китах и не на слонах, а на громадных столбах. «Попатнется который-нибудь из столбов, вот и трясение земли!» — думает убежденный в этом люд. В отреченной (апокрифической) рукописи «Свиток божественных книг» сказано, что Творец основал хрустальное небо на семидесяти тысячах тысяч железных столбов. «Да вижю, где прилежит небо к земли, якож глаголют книги, яко на столпах железных стоит небо...» — читается в сказании о Макарии Римском. В простонародных заговорах то и дело встречаются такие выраже-

³ Иннокентий, митрополит Московский, в миру Иван Васильевич Попов (по данной ректором семинарии фамилии — Вениаминов), — один из замечательнейших русских иерархов, — родился в селе Англинском Иркутской губернии 27 августа 1797 г., в семье бедного пономаря. По образованию он — питомец иркутской духовной семинарии. Служение Церкви началось для него в 1817 году, когда он был посвящен в диаконы, а затем, через год — в священники. В 1823 году о. И. Вениаминов по вызову Св. Синода отправился на остров Уналашку на подвиг просвещения христианской верою алеутов. Апостольское служение его увенчалось успехом — не только алеуты, но и соседи их — колоши (обитатели острова Ситха) — приняли святое крещение. В 1839 году просвятитель их подал в Петербург просьбу в Св. Синод о разрешении напечатать переведенные им на алеутский язык священные книги; в 1840 году он постригся в монахи и принял сан архимандрита, 15 декабря того же года по желанию императора Николая Павловича был посвящен в епископы новооткрытой алеутской епархии, в 1850-м был возведен в сан архиепископа якутского, после чего перевел Св. Писание на якутский язык. В 1857 году архиепископ Иннокентий был вызван в Москву для присутствия в Св. Синоде; затем, вернувшись в Сибирь, он продолжал свой архипастырский подвиг на Амуре (в 1862 году переселился в Благовещенск). 1867 год, год кончины митрополита Филарета, ознаменовался для апостолов алеутов, колошей и якутов назначением его митрополитом Московским. Пробыв двенадцать лет в этом сане, престарелый иерарх скончался 31 марта 1879 года, оставив по себе неизгладимую память в летописях Православной церкви и всюду, где пришлось ему трудиться на благо последней.

ния, как: «Есть океан-море железное, на том море есть столб медный...» или: «На море-океане, посередь света белого стоит медный столб от земли до неба, от востока до запада...» и тому подобное. По свидетельству митрополита Московского Иннокентия³, просветителя алеутов, у этих инородцев также существует поверье, что мир держится на одном огромном столбе. Но в народной Руси эти последние сказания распространены несравненно меньше, чем особенно пришедшее ей по мысли первое — о китах.

Дошла до наших дней, в различных списках, сербско-болгарская рукопись XV века, в которой находится неопровержимое подтверждение того, что всем славянским народам родственны приблизительно одни и те же древние сказания о мирозидании. «Да скажи ми: що дръжит земню?» — задается вопрос в этой рукописи. «Вода висока!» — следует за ним ответ. «Да шо дръжит воду?» — «Камень плосень вельми!» — «Да шо дръжит камень?» — «Камень дръжит четыре китове златы!» — «Да шо дръжит китове златы?» — «Река огньная!» — «Да шо дръжит того огня?» — «Други огнь, еже есть пожечь, того огня две части!» — «Да шо дръжит того огня?» — «Дуб железный, еже есть пръвопосажен, отвъсего же корение на силе Божией стоит!» И дуб, и огненная река, и камень — все это является древнейшим олицетворением громоносных туч небесных.

Сохранившиеся памятники отреченной народной письменности отводят немало места особо важному в глазах пытливого русского народа вопросу о том, на чем держится Мать Сыра Земля. В «Беседе трех святителей» говорится, например, что земля плывет на волнах необъятно великого моря и основана на трех больших да на тридцати малых китах. Малые киты прикрывают «тридцать оконек морских». Вокруг всего моря великого — «железное столпие» поставлено. «Емлют те киты десятую часть райского благоухания, и от того сыты бывают...» По иному, занесенному в «Словецкий сборник» разносказу этой

«Беседы», «в огненном море живет великорыбье — огнеродный кит — змей Елеафам, на коем земля основана. Из уст его исходят громы пламенного огня, яко стрелено дело; из ноздрей его исходит дух, яко ветер бурный, воздымающий огонь геенский...» Когда «восколеблется кит-змей», тогда и настанет светопреставление... Всемирный потоп, по старинному сказанию о Мефодии Патарском⁴, произошел от того, что повелел Господь отойти тридцати малым китам от своих мест, и — «пойде вода в си оконцы на землю, иже оступиша киты...» Отреченная письменность является, по мнению Афанасьева, Буслая-

Святой град Иерусалим. Древнерусская миниатюра

⁴ Мефодий Патарский — епископ-священномученик, пострадавший за веру Христову в IV веке (в 312 году) — один из борцов христианства против ересей и языческих философов III века, оставивший целый ряд сочинений. Из них наиболее известны: «О свободе воли, против валентиниан», «О жизни и деятельности разумной», «О воскресении», «Пир десяти дев», «Против Порфирия», «О сотворенном». В 1877 году вышла в Петербурге книга Ягно, в переводе проф. Е.И. Ловагина — «Святой Мефодий, епископ и мученик, полное собрание его сочинений».

Л. Плахов. Крестьянские дети в поле

ва⁵ и других знатоков ее, прямым отражением престонародных изустных сказаний, а отнюдь не этим последним дала пищу книга. Родственная связь изустных сказаний у всех, даже и поставленных в самые разнородные условия исторической жизни народов свидетельствует о том же, о чем говорят научные исследования: об одном месте их первобытной жизни. Так, например, предание о китах, поддерживающих землю, существует даже у японцев. «Опять ворочается кит под нашей землею!» — говорят они, когда, в недобрый час, случается землетрясение.

По всем уголкам светлорусского простора ходит, опираясь на слабеющую память вымирающих певцов-сказателей, духовный стих, именующийся то «Списками Ерусалимскими», то «Свитком («Листом») Ерусалимским», то «Списком Ерусалимского знаменья», то «Сказанием («Притчею») о свитке». Вымрут сказатели, перелетающие, что птицы Божии, из конца в конец земли Русской, но будут живы их сказания, сбереженные от напрасной смерти в сокровищницах собирателей словесного богатства народного. «Свиток Ерусалимский» во всех своих разносказах-разнопевах приходится сродни «Голубиной книге». Он «упал во святом граде Иерусалиме, в третьем году Воскресению Христову

из седьмого неба» в камне: «Камень ни огня, ни стюден, ширины об аршине, тяготы яму не споведать никому...». К этому камню съехались, гласит сказание, цари, патриархи, игумены, священники и все другие христиане православные. Служились-пелись над неведомым камнем молебны три

П. Целебровский. Сеятель

дня и три ночи. И распался камень на две половины, и выпал из камня свиток, почитаемый во многих местах за «послание Господа Бога нашего Иисуса Христа». В этом послании грешни-

ки и праведники предупреждаются о том, что «время Божие приближается, слово Божие скончивается». В целом ряде воззваний к «чадам Божиим» указываются наказания за людское нечестие. Самую тяжкой карою является бесплодие земной кормилицы.

Чады кы Яои!

Да не послушаетя Яойй заповеди Господней
И наказания Яойго, —
Вотворю кам небо медная,
Землю железная.
От неба медного росы не воздам,
От земли железной плода не дарю,
Помори вас гладом на земле,
Кладцы у вас причесуют,
Истошницы причесуют.
Ня будеть на земле травы,
Ни на древе скоры,
Будеть земля яко квочка...

Вдовство-сиротство земли тяжелей всего для ее детей, поздних потомков богатыря-крестьянина. Да и как же не быть этой тяготе, если в том же, записанном П.И. Якушкиным⁶, списке «Свитка Ерусалимского» прямо говорится, что от нее создано тело человеческое («очи от солнца, разум от Святого Духа») и что у всех чад Божиих:

Первая мать — Пресвятая Богородица,
Вторая мать — Сыра Земля...

⁵ Федор Иванович Буславев — академик, много работавший по исследованию русского и византийского искусства, а также древнерусской письменности, родился 13 апреля 1818 года в городе Керенске Пензенской губернии. Окончив курс Московского университета (по словесному факультету), он был назначен преподавателем отечественного языка в одну из московских гимназий (в 1838 году). В «Москвитяине» за 1842 год появились первые печатные строки его, в 1844-м вышла книга «О преподавании отечественного языка». С января 1847 года Ф.И. Буславев начал чтение университетских лекций по русскому языку и словесности. Целый ряд дальнейших печатных трудов упрочил за ним славу знаменитого русского ученого. В 1861 году он получил степень доктора русской словесности и был назначен ординарным профессором. Наиболее известны и ценны из его трудов: «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» и «Народная поэзия». В «Вестнике Европы» были напечатаны его интересные «Воспоминания». Скончался Федор Иванович 31 июля 1897 года.

⁶ Павел Иванович Якушкин — известный народовед и собиратель памятников изустного творчества народной Руси, уроженец Орловской губернии (родился в 1820 году), сын отставного офицера и матери-крестьянки. Образование он получил в орловской гимназии и Московском университете (по математическому факультету). С последнего курса он «ушел в народ» — пешком, с котомкой за плечами, под видом мелкого торговца-офени, для изучения быта северного Поволжья. С этих пор вся дальнейшая, богатая только одними лишениями жизнь этого отодвигавшегося до самоубийства своему призванию человека посвящена народу-певцу, народу-сказателю. Смерть постигла вдохновенного народолова в Самаре, на больничной койке, 8 января 1872 года. Народные песни, собранные Якушкиным, печатались в «Летописях русской литературы и древности», сборнике «Утро», «Отечественных записках». Отдельные издания их появились в 1860 («Русские песни, собранные П.И. Якушкиным») и в 1865 («Народные песни из собрания П. Якушкина») годах. Им был напечатан целый ряд любопытных «Путевых писем» и рассказов («Велик Бог земли русской», «Прежние рекруты», «Небывальщина» и другие). Собрание его сочинений издано в начале 1870-х годов В.И. Михневичем.

Л. Плахов. Отдых во время сенокоса

Мать Сыра Земля представлялась воображению обожествлявшего природу славянина-язычника живым человекоподобным существом. Травы, цветы, кустарники и деревья, поднимавшиеся на ее могучем теле, казались ему пышными волосами; каменные скалы принимал он за кости; цепкие корни деревьев заменяли жилы; кровью земли была сочившаяся из ее недр вода. «Земля сотворена, яко человек», — повторяется об этом в несколько измененном виде в одном из позднейших летописных памятников: «камень яко тело имать, вместо костей корення имать, вместо жил древета и травы, вместо власов былие, вме-

сто крови — воды...». Рождавшая все плоды земные богиня плодородия испытывала, по народному слову, не одно счастливое чувство материнства. Мучимая жаждою, она пила струившуюся с разверзавшихся над ее лоном небес дождевую воду, содрогалась от испуга при землетрясениях, чутким сном засыпала при наступлении зимней стужи, прикрываясь от нее лебяжьем покровом снегов; вместе с приходом весны, с первым пригревом зачухавшего весну солнышка, пробуждалась она, могучая, к новой плодотворящей жизни на радость всему живому миру, воскресающему от своих зимних страхов при первом весеннем вздохе земли.

Ходит селами-деревнями и в наши дни цветистая-красная молва о том, что и теперь есть чуткие к вещим голосам природы, достойные ее откровенный люди, слышащие эти чудодейные вздохи, с каждым из которых врывается в жаждущую тепла и света жизнь вселенной могучая волна творчества.

Против благоговейного почитания Матери Сырой Земли, сохранившегося и до наших дней в виде яркого пережитка древнеязыческого ее обожествления, восставали еще в XV—XVI столетиях строгие поборники буквы заветов Православия, грома в церковных стенах народное суеверие. Но ни грозные обличения, ни

время со всей его беспощадностью не искоренили этого предания далеких дней, затонувших во мраке веков, отошедших в бездонные глубины прошлого-стародавнего. Кто не почитает земли-кормилицы, тому она, по словам народа-пахаря, не даст хлеба — не то что досыта, а и впроголодь. Кто сыновним поклоном очестливым не поклонится Матери Сырой Земле, выходя впервые по весне в зачерневшее проталинами поле, на гроб того она наляжет не пухом легким, а тяжелым камнем. Кто не захватит с собою в чуждавший путь горсть родной земли, тому никогда больше не увидит родины. Больные, мучимые «лихманками» — лихими сестрами, выходят в поле чистое, бьют поклоны на все четыре стороны света белого, причитаючи: «Прости, сторона, Мать Сыра Земля!» Болящие «порчею» падают наземь на перекрестках дорог, прося Мать Сыру Землю снять напущенную лихим человеком болезнь. «Чем ушибся, тем и лечись!» — говорит народная Русь. И вот советуют знающие люди старые выносить тех, кто ушибся-разбился, на то самое место, где приключилась такая беда, и молить землю о прощении. «Нивка, нивка! Отдай мою силку! Я тебя жала, силу наземь роняла!» — выкликают во многих местах поволжской Руси жницы-бабы, катаясь по земле, вполне уверенные, что, припав к ней, вернут все пролитое трудовым потом засилье. Земля и сама по себе почитается в народе целебным средством: ею, смоченною в слоне, знахари заживляют раны, останавливают кровь, а также

прикладывают ее к больной голове. «Как здорова земля, — говорится при этом, — так бы и моя голова была здорова!» и так далее. «Мать Сыра Земля! Уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела!» — произносится кое-где еще и теперь при первом выгоне скота на весенний подножный корм. В старину при этом вы-

Крестьянская девочка с ребенком Фарфоровая статуэтка

ливалась наземь кубышка масла — как бы для умиостивления земли этой жертвою. «Мать Сыра Земля! Утоли ты все ветры полуденные со напастью, уйми пески сыпучие со метелью!» — продолжался после этого памятуемый местами и теперь благоговейный причет-заговор.

Было время на Руси, когда при тяжбах о чересполосных владениях вместо нынешней присяги в обычае было ходить по меже с куском вырезанного на

спорном поле дерна на голове. Это было равносильно лучшему доказательству законных прав тяжущегося. Еще в древнеславянском переводе «Слова Григория Богослова»⁷ — переводе, сделанном в XI столетии, — встречается такая самовольная вставка переводчика: «Ов же дърън въскроушь на главе покладая присягу творить...» В писцовых книгах Сольвычегодского монастыря значится: «И в том им дан суд, и с суда учинена вера, и ответчик Окифенко дал истцу Олешке на душу. И Олешка, положи земли себе на голову, отвел той пожне меж...» Много можно было бы найти подобных свидетельств о земляной присяге и в других исторических памятниках древней Руси. В XVI веке эта присяга была заменена хождением по спорной меже с иконою Богородицы на голове.

Клятва над землею сохранилась в народе и до сих пор по захолустным деревням, лежащим в стороне от городов. «Пусть прикроет меня Мать Сыра Земля навеки!» — произносит клянущийся, правой рукою осеняясь крестным знаменем, а в левой держа ком земли. Братающиеся на жизнь и на смерть, давая обоюдные клятвы в неразрывной дружбе, иногда не только меняются крестами-тельниками, а и вручают друг другу по горсти земли. Эта последняя хранится ими потом зашитю в ладанку и носится на шее, чему придается особое таинственное значение. Старые, истово придерживающиеся дедовских заветов люди уверяют, что если собирать на семи утренних зорьках по горсти земли с семи могил заведомо добрых покойников,

⁷ Святой Григорий Богослов, один из отцов Церкви, родился в 328 году в Каппадокии, близ Назианза. В молодости своей он обучался светским наукам в Кесарии Каппадокийской, Александрии и Афинах, где жил вместе со святым Василием Великим. По возвращении на родину он принял святое крещение и удалился в пустыню. В 379 году он был вызван, будучи уже пресвитером, в Константинополь, для укрепления гонимого арианами Православия. Император Феодосий назначил его епископом столицы. Святитель скончался в 390 году на своей родине. Сочинения его состоят из 243 писем, 507 песнопений и 45 речей. Все они переведены на русский язык.

то эта земля будет спасать собравшего ее от всяких бед-напастей. Другие, знающие всю подноготную, старики дают совет беречь с этой целью на божнице, за образом Всех Скорбящих Радости, щепоть земли, взятую из-под сохи на первой весенней борозде. В стародавние годы находились и такие ведуны-знахари, что умели гадать по горсти земли, взятой из-под левой ноги желающего узнать свою судьбу. «Вынуть след» у человека считается повсеместно еще и теперь самым недобрый умыслом. Нашептать, умеючи, над этим вынутым следом — значит, по старинному поверью, связать волю того, чей след, и по рукам, и по ногам. Суеверная деревня боится этого пуше огня. «Матушка-кормилица, сыра земля родимая! — отчитывается она от такой напасти. — Укрой меня, раба Божия (имярек), от призора лютого, от всякого лиха нечаянного. Защити меня от глаза недоброго, от языка злобного, от навета бесовского. Слово мое крепко, как железо. Семью печатями оно к тебе, кормилица Мать Сыра Земля, припечатано — на многие дни, на долгие годы, на всю ли на жизнь вековечную!...»

Как и в седые, затерявшиеся в позабытом былом времена, готова припасть к могучей земной груди народная Русь с голосистым причетом вроде древнего:

Гой, земля еси сырая,
Земля матерая,
Матерь нам еси родная!
Всех еси нас породила,
Воспела, воскормила

И утробем наделаи;
Ради нас, сконх детей,
Зелен еси народила
И злак всякой напоила...

Мать Сыра Земля растит-питает хлеб насущный на благо народное; унимает она «ветры полуношные со тучами», удерживает «морозы со метелями», «поглощает нечистые си-

В. Максимов. У своей полосы

лы в бездны кипучие». До скончания веков останется она все тою же матерью для живущего на ней и ею народа, своим внукам-правнукам заповедывающего одну великую нерушимую заповедь: о неизменном и неуклонном сыновнем почитании ее.

И крепко держится народная Русь этой священной для нее заповеди, глубоко запавшей в ее стихийное сердце, открытое всему доброму и светлому, несмотря на свою кажущуюся

темноту. Светит в его потемках Тихий Свет беззаветной любви и «неумытной» правды, которых не купить ни за какие сокровища.

Чем ближе к земле-кормилице, чем теснее жмется к ее груди сын деревни и полей, — тем ярче расцветают в его жизни эти неоценимые цветы сердца. Благословение Божие осеняет незримыми крылами трудовой подвиг земледельца — по преданию, идущему из далекой дали веков к рубежу наших дней. И не отходит это благословение, гласит родная старина стародавняя, от верных заветам праведного труда ни на шаг во всей их жизни.

О каком бы сказании ни вспомнить, какое бы слово крылатое о кормилице народа-пахаря ни услышать, на какой бы связанный с Матерью Сырой Землею обычай седой старины ни натолкнуться — все они могут служить подтверждением выраженному народом-сказателем в ярких своей образностью словах записанного П.В. Киреевским⁸ старинного стиха духовного:

Человек на земле живет —
Как трава растет;
Да и ум человек —
Яки цвет цветет...

Как траве-мураве не вырасти без горсти земли, как не красоваться цветку на камне, так и русскому народу не крестьянствовать на белом свете без родимой земли-кормилицы. Как без пахаря-хозяина и добрая земля — горькая сирота, так и он без земли — что без живой души в своем богатырском теле.

⁸ Петр Васильевич Киреевский — известный собиратель русских простонародных песен и духовных стихов, родился 11 февраля 1808 года в Москве, происходил из старинной тульской дворянской семьи и приходится родным братом Ивану Васильевичу Киреевскому, одному из основателей славянофильства. Образование он получил домашнее, а затем слушал частные лекции профессоров Московского университета. С первым печатным словом Петр Васильевич появился на страницах погодинского «Москвитянина» в 1845 году. Писал он очень немного, но заслуги его перед русской научной литературой громадны. С 1830 года он подготавливал печатание своего собрания песен, но этому замечательному труду суждено было появиться лишь только после смерти своего неутомимого собирателя, умершего 25 октября 1856 года.

2. ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

«Хлеб — дар Божий», — говорит русский народ и относится с вполне понятным благоговением к этому спасающему его от голодной смерти дару, составляющему почти единственное его богатство. Немалым грехом считается в народной Руси уронить на пол и не поднять хотя бы одну крошку хлеба; еще больший — растоптать эту крошку ногами. Благоговейное чувство удваивается в этом случае и сознанием того тяжкого, страдного труда, каким добывает народ-пахарь каждую малую крошку, а также и воспоминаниями о тех тревогах-заботах, с которыми неразлучно ожидание урожая.

Вековечна дума крестьянина о хлебе. Думами об урожае окружены все наши сельские праздники. В большинстве простонародных примет, поверий, обычаев и сказаний слышится явственный отголосок этих чутких заповедных дум, пускающих ростки еще до засева зерна, колосящихся вместе с первыми выбегающими на свет Божий из сердца Матери Сырой Земли всходами, зацветающих при взгляде на первый выметнувшийся колос. Нет конца этим думкам-думушкам: что ни день, растут они, гонят сон от усталых очей пахаря, приводят к его жесткому изголовью тревогу за тревогою. Этими думами засеяна вся жизнь мужика-деревенщины — что твое поле чистое. Зовет народная песня вернуться на белый свет весну, молит-заклинает ее, чтобы пришла она — красная — «со светлою радостью, с великою милостью: с колосом тяжелым, с корнем глубоким, с хлебами обильными». Идет пахарь, а дума — впереди него, дорогу хлеборобу торит; за одной думкою другие перебегают тореный путь, самодельными лаптями проложенный, трудовым потом политый. Глянет пахарь на ясное небо — в тот же миг закопошится у него на сердце думушка: пошлет ли Господь дождичка

вовремя. Дождь дождю рознь: один хлеб растит, а другой хлебогоем прозывается. Кропит дождем небо, поит, торватое, жаждущую землю-кормилицу, а у мужика опять думка: пригреет ли его полосыньку красное солнышко в пору-благовремяе. Набегут облака, стуются-зачернеют тучи, повиснут над хлебородною нивою, — смотрит честной деревенский люд, смотрит — крестится, Бога молит, чтобы не разразились тучи градом, не выбило бы хлебушка богоданного на корню. На земле пахарь живет, землею кормится, с ее дыханием каждый

вдох его сливается. Сколько безысходного горя горького слышится, например, в словах такой, относимой некоторыми собирателями к разряду «плясовых» песни бобыля-бездомника, оторванного мачехой-жизнью от земли:

Полоса ль моя, полосынька,
Полоса ль моя не пахана,
Не пахана, не скорожена,
Заросла ль моя полосынька
Частым сльничком,
Сльничком, керезничком,
Молодым горьким осинничком.

А. Егорнов. Жатва

Б. Ольшанский. Клятва Сварожича (Родовая клятва)

Думает-гадает о хлебе-урожае народная Русь и весной теплою, и знойным летом, и осенью ненастной, нет ей, кормящейся трудами рук своих, покою от думы и в зимнюю пору студеную, когда дремлет зябкое зерно в закованной морозом земле, принакрытой парчой снегов серебротканюю. На роду написано мужику — и умереть с этою же недремлющей думою в сердце.

В стародавние годы, не озаренные светом веры Христовой, хлеб являлся для русского народа, да и вообще для всех славян-земледельцев, даром обожествлявшихся Земли и Неба. Эта

могущественная чета возлагала на себя заботу о зарождении хлеба насущного для народа-землепашца, из года в год обновляясь в своем плодоносящем слиянии друг с другом. Обнимая Землю со всех сторон, Небо орошает ее животворным дождем, пригревает ее лучами солнечными, и отвечает Мать Сыра Земля на эти ласки всякими плодами земными. Что ни новая весна — то и новое проявление бессмертной любви богов-праотцев представало пытливому взору пращуров народа-пахаря.

Позднейшие времена славянского язычества перенесли понятие о небе

(Свароге) на Святoviда (Светови-та), отождествленного с первым, но принявшего в суевежном народном представлении более определенный облик. По свидетельству очевидца, в древней Арконе⁹ существовал главный храм этого бога, куда стекались на поклонение паломники из всех земель славянских. Здесь стоял идол Святoviда, и был этот идол выше роста человеческого, было у него четыре бородатые головы, обращенные в четыре стороны света белого. В правой руке у него находился турий рог с вином. Обок лежало освященное седло Святovidово, у пояса висел

⁹ Аркона — древнеславянский город жрецов на острове Рюгене на Балтийском море. По свидетельству истории, датский король Вольдемар I взял крепость Аркону 15 июня 1168 года, сжег храм Святoviда вместе с его идолом и увез все сокровища этой языческой святыни в Данию.

его меч-кладенец. При храме сохранился посвященный богу богов славянских белый конь. К Святовиду обращались жрецы с молитвами о плодородии; по его турьему рогу было в обычае гадать об урожае. Налитое в рог вино являлось олицетворением плодотворного дождя. Сохранились на Руси предания и о других олицетворителях земного плодородия — о Дажьбоге милостивом да ласковом, о Перуне, объединявшем в себе милость с грозной силой, бога-плодоносителя — с богом-громовником. Позднее передал пахарь-язычник первое свойство повелителя громов небесных Светлояру (он же Ярило и Яр-Хмель).

Озарились тонувшие во тьме дребри языческой Руси лучезарной зарею христианства; шли годы, из годов слагались века. И вот — потускнели облики древних богов; перенесло живучее народное суеверие приурочивающиеся им свойства на святых угодников Божиих. Зазвучали в крылатом слове некогда чуждые русскому сердцу, но с течением времени сроднившиеся с ним, как бы

приросшие к нему имена новых, более надежных заступников народа-земледедца, отовсюду охватившего грозными объятиями природы: Илья Пророк, Никола милостивый, Петр и Павел, Власий и другие. Исчезла с течением времени, изгладилась в народе даже самая память о древнеязыческих, вызванных из окружающей природы богах.

Не сам русский народ дошел до искусства пахать-засевать землю: научили его этому, если верить его старым сказаниям, небесные покровители. «Ей, в поле, поле, в чистейком поле, — поется, например, в одной подслушанной исследователями-собираемыми словесной старины малороссийской песне. — Там же мий оре золотый плужок, а за тим плужком ходит сам Господь; ему погоняет та святой Петро; Матенка Божя семена носит, насенечко носит, пана Бога просит: — Зароди, Божейку, яру пшеничейку, яру пшеничейку и ярейке житце! Буде там стебевце саме тростове; будут колосойки, як былинойки; будут копойки, як звездойки; будут стогойки, як горойки;

сберутся возойки, як чорны хмаройки!..»

Десятки, сотни сказаний ходят по Святой Руси, ходят, клюками о сырую грудь земли опираются, походя о божественных пахарях речь ведут, цветами воображения приукрашенную. Падают эти яркие, не блекнущие от дыхания времени цветы, осыпаются лепестки их на тучную ниву народную — русскому сердцу о стародавней старине живую весть подают.

Отвела старина-матушка Домовому избы-дворы крестьянские; схоронила она от смерти неминуемой в темном лесу во дремучем Лесовика, лесного хозяина; пустила, седея, по лугам зеленым гулять Лугового; живет, по суеверному воображению народа, до сих пор в каждой реке Водяной, со всем подвластным ему русальным народом. Что ни шаг ступит мужик-простота, то на вешего духа натолкнется. Жив для него и в каждом поле древний Полевик (Полевой); величают последнего во многих местах, кроме того, и житным дедом. Идет пахарь полем, на зеле-

Г. Мясоедов. Страдная пора (Косцы)

А. Венецианов. Жнецы

ные всходы не напобуется... «Уроди, Боже, всякого жита по полному закрому на весь крещеный мир!» — молитвенно шепчет он; а сам озирается: не видать ли где у межи полевого «хозяина». Представление об этом порождении «нежити» родственно не только у славянских, но и у многих других соседних народов. Полевик — житный дед, по народному поверью, живет в поле только весной да летом во время всхода, роста и созревания хлебов. С нача-

лом жнитва наступает и для него нелегкое время: приходится старому бегать от острого серпа да прятаться в недожатых колосистых волнах. В последнем дожатом снопе — последний и приют его. Потому-то на этот сноп и смотрят придерживающиеся старых рассказней люди с особым почетом: или наряжают его да с песнями несут в деревню, или, благословясь, переносят в житницу, где хранят до нового сена, чтобы, засеяв вытрясенные из него зерна,

умилостивить покровителя полей, дав ему возможность возродиться в новых всходах. Не умилостивишь, не постараться задобрить Полевика — немало он может напроказить в поле: и всякую истребляющую хлеб гадину напустит, и, на лучший конец, весь хлеб перепутает. Задобренный же, он, говорят упрямые хранители отживших свое время поверий, станет-де всячески оберегать ниву зорким хозяйским глазом.

Суверна душа народа-пахаря, но и при всем заведомом суеверии он — добрый сын матери-Церкви. Во всяком важном случае жизни привык он обращаться с горячей, из глубины сердца идущей молитвой к Богу. А что же для него может быть важнее всего, связанного с думой-заботой о хлебе?! И приступает он к каждому своему новому труду в поле не иначе как с благословения Божия. Приходит чудейница-весна, пробуждается к новому плодородию Мать Сыра Земля... И вот тянутся от храмов Божиих в поля по всей Руси великой молебные ходы крестные. «Поднимаются иконы» народом и в засуху-бездожде, и в ненастье хлебогнойное. Служатся благодарственные молебны и по окончании полевых работ; приносится в церковь для освящения всякая «новина». Дума народа о хлебе — этом чудесном даре Божьем — с наибольшей яркостью выразилась в его окрыленном образностью, красном своей меткостью слове, неисчерпаемые богатства которого сохранились в сказаниях, пословицах, поговорках и всяких присловьях, записанных пытливыми собирателями неоценимого словесного богатства народного.

Хлеб в деревенском обиходе — «всею голова». Впрочем, по словам

тысячелетней народной мудрости, он везде хорош — и у нас, и за морем. Хлеб — предмет первой необходимости для каждого человека. Это понятие выразилось в целом ряде таких поговорок, как: «Только ангелы с неба не просят хлеба!», «Хлеб — батюшка, водица — матушка!», «Бог на стене, хлеб на столе!», «Дай Бог покой да хлеб святой!» и так далее. Любовно величает русская народная песня хлеб насущный, припеваючи:

Раствори я квашонку на доньшке,
Я покрою квашонку черным соколом,
Опяшю квашонку ясным золотом;
Я поставлю квашонку на столышке.
Ты взойди, моя квашонка, с краями рокна,
С краями рокна и полным-полна!

В одной свадебной песне еще более ласковыми словами ублажается каравай хлеба: «Свети, свети, месяц, нашему караваю! Проглянь, проглянь, солнце, нашему караваю! Вы, добрые люди, посмотрите, вы нашего каравай отведайте, вы,

князь с княгинею, покушайте!». Другая так и зовется каравайною: «Каравай катается, каравай валяется, каравай на лопату сел, каравай на ножки встал, каравай гряды достал. Уж наш-то каравай для всей семьи годен, для всей семьи — чужой родни: чужому батюшке заесть, чужой матушке закушать, молодой княгине нашей утречком прикушать; молодому-то князю нашему сыто-насыто наесться!»

Красно говорит охочая до красного словца деревня о хлебе-батюшке, послушать любо: «Хлеб за брюхом не ходит!» — молвит народ, всю жизнь ходящий за хлебом и около хлеба. «Ищи — как хлеба ищут!» — прибавляет он к этому слову меткое присловье, указывая на трудность добывания хлеба. «Как хочешь зови, только хлебом корми», — вылетает окрыленный голосом голодной нужды прибауток. «И пес перед хлебом смиряется!» — цепляется за него другой, еще более резкий по своей неумытой-неприглаженной правдивости. Но тут же у мужика-хлебороба готово про запас

и третье, веселенькое, словцо. «Что нам хлеб — были бы пироги», «Где хозяин прошел, там и хлеб уродился», — приговаривает он.

Народ не считает деньги за главный двигатель жизни. «Не держи денег в узду, держи хлеб в углу!» — говорит его устами житейский опыт. «Ел бы богач деньги, кабы убогий хлебом не кормил», — дополняет он высказанную мысль. «И беду можно с хлебом съесть», «Не дорог виноград терский, дорог хлеб деревенский: не много укусишь, а полон рот нажнешь», «Без хлеба — смерть», «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска; а хлеба край, так и под елью рай», «Палата бела, а без хлеба — беда», «Хлеб на стол, и стол — престол; а хлеба ни куска, и стол — доска», «Без хлеба — не крестьянин!». Неприхотлив русский пахарь. «Как хлеб да квас, так и все у нас! — похваляется он. — Хлеб да вода — мужицкая еда!», «Хлеб (ржаной) калачу (пшеничному) дедушка», «Калач приестся, а хлеб — никог-

Н. Соломин. Натюрморт. Русские хлеба

А. Максимов. Девушка со снопом

да», «Покуда есть хлеб да вода — вполбеда мужику лихая беда!»...

Любит поговорить честной деревенский люд; никогда он не прочь острым словом перекинуться. А и метко же бывает об иную пору это слово мужицкое: скажет — как пить даст, не в бровь, а в самый глаз попадет!.. «Родись человек — и краюшка готова!» — гласит оно. «Без краюшки не прожить и седой старушке», «Люди за хлеб — так и я не слеп», «Каков ни есть, а хлеб хочет

есть», «Урод-урод, а хлеб в рот не сет», «Голодной куме — все хлеб на уме» — словно ниву житом засевают, сорят по людям присловьями одни люди добрые. «Не я хлеб ем, меня хлеб ест!» — пригорюниваются другие. «Мужик на счастье засеял хлебца, а уродилась лебеда!» — машут рукой третьи. Но навстречу этому слову идет уже и новое, хотя и в стародавние времена сложившееся в народной Руси: «Это что за беда, коли во ржах лебеда; а вот нет хуже беды,

когда ни ржи, ни лебеды!», «Всем сытым быть — чистого хлеба не напастись: проживем — не умрем, коли и с лебедой пожьем!», «Не всем пирог с начинкой, кому — и хлебец с мякиной!». Охотники до зелена вина государева от словес о хлебе не прочь зачастую перейти и к присловью о «хлебной водиче». А чем не красны хотя бы такие, например, прибаутки, как: «Нет питья лучше воды, коли перегонишь ее на хлебе», «Хлебом мы сыты, хлебом мы и пьяны», «Полюби Андреевну (соху), так и хлебом брюхо набьешь, и хлебным пойлом горе зальешь».

Среди загадок русского народа встречается немало говорящих о хлебе. Вот некоторые из них, занесенные собирателями живой старины в неисчерпаемую сокровищницу великорусского языка: «Лежит бугор между гор, пришел Егор, унес бугор!» (хлеб в печи), «Режу, режу — крови нету!», «Что без кореньев растет, без костей встает?», «Режут меня, вяжут меня, бьют нещадно, колесуют, пройду огонь и воду, конец мой — нож да зубы», — говорит о себе хлеб, питающий своего неустанного вековечного работника.

В русском народе от мала до велика коренится сознание того, что Господь повелел от земли кормиться. Но, по тому же народному слову, и земля не всякого человека захочет кормить. «Бог не родит, и земля не даст, Бог не даст, и земля не родит!» — говорят в крестьянской Руси. Хотя и сложилось в ней присловье «Не земля родит, а небо», но с гораздо большей уверенностью повторяет деревенщина-посельщина такие, как: «Земля — мать, подает клад», «Какова земля, таков